

К. П. Патканов

**Ванские надписи и значение
их для истории передней
Азии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К11 **К. П. Патканов**
Ванские надписи и значение их для истории передней Азии / К. П. Патканов –
М.: Книга по Требованию, 2015. – 260 с.

ISBN 978-5-4241-8620-2

ISBN 978-5-4241-8620-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

произшествіи (пораженія Армянъ) Шамирамъ (Семирамида), отдохнувъ нѣкоторое время на полѣ, которое по имени Арая названо было Айраратомъ, и пользуясь лѣтнею порою, отправилась на южную сторону горы погулять по долинамъ и по цвѣтистымъ полянамъ.

„И замѣтивъ красоту страны, чистоту воздуха, обиліе прозрачнѣйшихъ источниковъ, журчаніе величественныхъ рѣкъ, сказала: Намъ слѣдуетъ построить городъ и дворецъ въ этой странѣ, гдѣ такой благорастворенный воздухъ и такія чистыя воды, дабы четверту часть года, то-есть, лѣтнее время проводить въ Арменіи въ полномъ удовольствіи, остальные же прохладныя три времени года жить въ Ниневіи“.

„Затѣмъ Шамирамъ, осмотрѣвъ многія мѣста и дойдя съ восточной стороны до Соленого озера, увидѣла близь его береговъ продолговатый холмъ, тянувшійся къ западу съ легкимъ скатомъ со стороны сѣверной; на югѣ же находился утесъ, прямо и ровно восходящій къ небу. Не вдалекѣ на полуденной сторонѣ, раскинувшись поляной, тянулась къ востоку отъ горы долина, и спускаясь къ берегу озера, становилась болѣе обширною. По этимъ мѣстамъ текли студеныя воды, которыя, низвергаясь съ горъ, сочасъ и струясь изъ ложины, ущелій и трещины, находящихся у основаній горъ, и сливаясь въ одно, разливались какъ пышныя рѣки. И не мало было въ этой долинѣ селеній по обѣимъ сторонамъ водъ. На востокъ отъ холма, по нравившагося царицѣ, находилась небольшая гора.

„На этой-то мѣстности мужественная и сладострастная Шамирамъ остановила свой взоръ и дала приказаніе немедленно привести туда изъ Ассиріи и другихъ подвластныхъ странъ двѣнадцать тысячъ простыхъ рабочихъ и шесть тысячъ изъ своихъ мастеровъ, искусныхъ рѣщниковъ на деревѣ, камнѣ, мѣди и желѣзѣ, знающихъ въ совершенствѣ свое искусство. Повелѣніе царицы съ точностію было приведено въ исполненіе: немедленно явилась разноплеменная толпа рабочихъ и искусныхъ, талантливыхъ художниковъ.

„Прежде всего Шамирамъ приказала построить весьма широкую и высокую плотину рѣки изъ скалъ и огромныхъ камней, сплоченныхъ вмѣстѣ посредствомъ извести и песку, что, какъ говорятъ, существуетъ въ цѣлости до настоящаго времени. Въ разсѣлинахъ этого берега, теперь, какъ слышно, укрываются бѣглецы и разбойники той страны, живя въ нихъ, какъ въ пещерахъ горъ.

„Напрасны были бы усилія того, кто попытался бы вынуть изъ этого строенія камешекъ, годный для пращи. Спайка камней сдѣ-
часть CLXX, отд. 2.

лана такъ искусно, что кажется облитомъ растопленнымъ саломъ. Такимъ образомъ, Шамирамъ провела эту плотину, на протяженіи многихъ стадій до мѣста, назначеннаго ею для города.

Тамъ приказала она раздѣлить долину на нѣсколько партій и надъ каждой изъ нихъ назначила мастерами избранныйшихъ художниковъ. Занимая ихъ такимъ образомъ сильною напряженною работою, она, по прошествіи немногихъ лѣтъ, совершила свои дивныя постройки и обвела ихъ крѣпчайшими стѣнами, съ мѣдными воротами. Внутри города она построила множество прекраснѣйшихъ двухъ и трехъ-этажныхъ дворцовъ изъ разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ камней. Раздѣливъ обширными улицами другъ отъ друга всѣ части города, она отмѣтила ихъ разными цвѣтами (?). Посреди города на надлежащихъ мѣстахъ построила чудесныя бани, достойныя удивленія. Часть рѣки она провела по городу для различныхъ потребностей, для орошенія садовъ и цвѣтниковъ, а другую часть ея по правому и лѣвому берегамъ озера—для орошенія города и всѣхъ его окрестностей. Восточную, сѣверную и южную стороны города украсила вилами, вѣтвистыми деревьями, отличающимися одни отъ другихъ плодами и листьями; насадила также множество виноградныхъ дощъ, доставлявшихъ въ изобиліи плоды и вино. Во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпно и красиво, воздвигла она крѣпостнѣйшій городъ, заселивъ его безчисленнымъ множествомъ людей.

Что же касается до возвышенной части города и дивныхъ ея построекъ, то не многимъ приходилось понять ихъ, и мы по этому, ничего не можемъ сказать о нихъ. Окруживъ вершину утеса стѣнами, Шамирамъ построила въ немъ царскіе покои съ трудными входами и еще болѣе затруднительными выходами. До нашего слуха не дошло ни одного достовѣрнаго описанія сущности этихъ построекъ, и поэтому мы не рѣшаемся говорить о нихъ въ нашей исторіи. Одно только скажемъ, что изъ всѣхъ построекъ воздвигнутыхъ царями, эти, какъ мы слышали, считаются первѣйшими и великолѣпнѣйшими.

Въ обращенной къ солнцу сторонѣ утеса ¹⁾, твердость котораго такова, что по ней и желѣзомъ нельзя провести цвѣтъ черты, Шамирамъ приказала высѣчь горницы, покои, тайники и коридоры, неиз-

¹⁾ Нѣсколько видовъ города Вана и високаго утеса, дающихъ довольно вѣрное о нихъ понятіе, можно видѣть въ сочиненіи г. Коссонича—Inscriptiones Palaeopersicae, (Petrov. 1872), стр. 106—108. Эти рисунки извлечены авторомъ изъ путешествій Тенсые в Борс.

вѣстно для какихъ цѣлей ¹⁾); на лицевой же сторонѣ скалы она, какъ-бы перомъ по гладкому воску, начертала много письменъ, одинъ видъ, которыхъ приводитъ всякаго въ изумленіе. И не только здѣсь, но и во многихъ мѣстахъ Арменіи, она воздвигла памятники, тѣмъ же письмомъ; начертаетъ на нихъ память о чемъ-то. Тѣми же письменами она покрывала пограничные столбы во многихъ мѣстахъ ²⁾.

Такъ описываетъ Ванскія постройки и надписи въ половинѣ V столѣтія, Моисей Хоренскій, по разказамъ очевидцевъ. Излишне прибавлять, что въ этихъ постройкахъ и надписяхъ не принимала никакого участія Семирамида, о значеніи которой въ легендахъ Арменіи поговоримъ ниже.

Городъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Ванъ ³⁾, лежащій и нынѣ на восточномъ берегу Ванскаго озера. Въ древности, по увѣренію Моисея Хоренскаго и другихъ армянскихъ писателей, онъ назывался *городомъ Шамирама, Шамирамиченомъ, Шамирамкертномъ*, а въ послѣдствіи — *Ваномъ, Ванъ-Тосби* или *Вантосъ* по имени области *Тосъ*, отъ которой и озеро назвалось у древнихъ *Thospitis*. Въ XI вѣкѣ послѣ Р. Х. Ванъ принадлежалъ князьямъ Арцруни, а въ 1392 году взятый Тамерланомъ, онъ былъ совершенно разрушенъ и только нѣкоторые изъ его памятниковъ сохранились до нашего времени. Нынѣшній городъ Ванъ, говоритъ Лайардъ (*A. Layard, Nineveh and Babylon 1850, p. 394*) лежитъ у подножія уединеннаго утеса.

Улицы и базары его тѣсны и грязны, хотя дома выстроены недурно. Городъ окруженъ цвѣтущими садами и виноградниками, орошаемыми искусственными ручьями, отведенными отъ рѣкъ, вытекающихъ изъ горъ Еди-Килиса. Далѣе въ главахъ XVIII и XIX Лайардъ даетъ довольно подробное описаніе города, его окрестностей и *клинообразныхъ* надписей, содержаніе которыхъ онъ передаетъ отчасти. Другой путешественникъ, который долгое время странствовалъ въ мѣстностяхъ лежащихъ вокругъ Ванскаго озера, мекхитаристъ Персесъ Саргсѣянъ

¹⁾ Поднявшись на утесъ и лично осмотрѣвъ высѣченные въ немъ покон, Лайардъ (*Nineveh and Babylon, 400*) также признается, что «трудно отгадать цѣль, и происхожденіе этихъ построекъ».

²⁾ Нѣтъ сомнѣнія Клевій имѣлъ въ виду Ванъ, когда разказывалъ, что «Семирамида, подойдя къ Хавону, городу Мидіи (πρός Χαβωνα πόλις τῆς Μυδίας), и затѣвъ страшной величины камень (скалу, утесъ?) построила вокругъ него увеселительный садъ (τοῦ παραβάσου) и долго гостила въ немъ, предаваясь чувственнымъ наслажденіямъ. Она приказала построить кругомъ виллы, откуда она могла обозрѣть не только весь садъ, но и войска, расположенныя въ долинѣ. *Diod. Sic. Lib. II, cap. XIII.*

издалъ въ 1864 году весьма подробное топографическое и этнографическое описаніе этого края. Онъ также обратилъ вниманіе на клинообразныя надписи и къ своему „Путешествію“ присоединилъ литографическій списокъ восьми надписей. Были и другіе путешественники, какъ Тексье, Е. Варе и др., которые посѣтили и описали Ванъ; но честь перваго и лучшаго, въ интересахъ науки, описанія Вана изъ личныхъ наблюденій принадлежитъ безспорно Шульцу.

Въ 1827 году французское правительство отправило въ Арменію профессора Фр. Шульца для изслѣдованія положенія Вана и его древностей. Въ теченіе 1828 года Шульцъ успѣлъ сдѣлать снимки или списать до 42 клинообразныхъ надписей въ Ванѣ и его окрестностяхъ и отправилъ ихъ въ Европу, куда уже самъ не воротился, такъ какъ вскорѣ былъ вѣроломно умерщвленъ однимъ курдскимъ предводителемъ ¹⁾.

Въ виду распространившагося тогда интереса къ другимъ системамъ клинообразнаго письма, администрація *Азіатскаго журнала* въ Парижѣ приказала налитографировать Ванскія надписи и обнародовала ихъ въ своемъ журналѣ въ 1840 году (*Journ. Asiat.*, III Série, t. IX, 1840). Къ надписямъ присоединенъ журналъ, веденный Шульцемъ во время его путешествія въ окрестностяхъ Вана (тамъ же стр. 257—323). Читая этотъ журналъ, нельзя не поражаться правдою, съ которою Моисей Хоренскій описалъ эту мѣстность въ приведенной нами выше главѣ. Шульцъ во многихъ случаяхъ передаетъ свои впечатлѣнія чуть ли не словами Моисея Хоренскаго, со временъ котораго прошло уже около пятнадцати вѣковъ. Число снятыхъ Шульцемъ Ванскихъ надписей, за исключеніемъ трехъ Ксерксовыхъ, только 39, и то нѣкоторыя изъ нихъ, составляя части одной надписи, считаются за отдѣльныя.

За 1500 и болѣе лѣтъ до Р. Х. въ странахъ, лежащихъ по теченію Тигра и Евфрата, вошли въ употребленіе письменные знаки, которые своимъ наружнымъ очертаніемъ существенно отличались какъ отъ алфавитныхъ буквъ, такъ и отъ гіероглифовъ, и по всей вѣроятности, составляли переходъ отъ гіероглифовъ къ азбучному письму. Мы говоримъ о клинописи ²⁾. Клинописью (*inscriptions cuneatae*, отъ

¹⁾ Notice of circumstances, attending the assassination of prof. Schulz, while visiting Kurdistan in the year 1829; in a letter from major Willock to captain Harkness; in the *Journ. of R. Asiat. Soc.*, I Vol. 1834 p. 134—137.

²⁾ Существовало мнѣніе, что Туранцы были первыми изобрѣтателями клинописи. Оно было основано, главнымъ образомъ, на фонетическомъ значеніи

cuneus—клинь, écriture cunéiforme, Keilschrift, cuneatic writing, также arrow-headed scripture) называются эти письмена на томъ основаніи, что въ составъ ихъ входятъ исключительно изображенія *клина* и *угла*, котораго открытая сторона обращена всегда направо. Этими двумя знаками клинопись удовлетворительно передавала всевозможныя сочетанія звуковъ языка. Очевидно, очертанія отдѣльныхъ звуковъ не могли состоять изъ простыхъ единичныхъ знаковъ. Для выраженія каждаго отдѣльнаго звука клинья и углы образовали разнообразныя сочетанія, слѣдовательно, — сложные знаки, называемые *группами*. По своему характеру, лишенные всякой округленности и потому приспособленныя къ высѣченію на камнѣ, эти письмена начертывались однако въ Вавилонѣ грифелемъ или формой на мягкой глинѣ кирпича, который послѣ того былъ выжигаемъ въ печахъ, или сушимъ на солнцѣ. Эта письменная система, просуществовавъ болѣе 1500 лѣтъ, вышла изъ всеобщаго употребленія при послѣднихъ Ахеменидахъ. На глиняной таблицѣ изъ Варка прочитаны имена Селевка, Антіоха и Дмитрія, но эти случаи чрезвычайно рѣдки.

Эти-то двѣ простыя фигуры клина и угла, или вѣрнѣе, одного клина, изъ удвоенія котораго составляется уголь, служили основаніемъ для образованія двухъ совершенно различныхъ графическихъ системъ; одна изъ нихъ, *арійская*, сохранившаяся въ персидскихъ над-

писанныхъ идеограмъ. Объяснимъ примѣромъ: известный знакъ выражаетъ собою понятіе *отецъ*, по ассирійски *abu*; но тотъ же знакъ фонетически имѣетъ значеніе слога *at*, а такъ какъ *ata* въ турецкихъ нарѣчіяхъ значить *отецъ*, то изъ подобныхъ случаевъ выводили заключеніе о томъ, что этотъ знакъ когда-то у какого-то туранскаго народа представлялъ собою и фонетическій слогъ *at*, и понятіе *отецъ* и въ такомъ смыслѣ былъ переданъ Семитамъ, которые не выбрали бы сами идеограмой *отеца* слогъ, который значить *at*. Эту мысль чуть ли не изъ первыхъ высказалъ Оппертъ, посвятивъ всю VI главу своего сочиненія *Expédition scientifique en Mésopotamie, t. II, Paris, 1859*, подтвержденію многими примѣрами своего предположенія.

Это предположеніе имѣетъ всѣ шансы въ близкомъ будущемъ обратиться въ фактъ, такъ какъ въ ассирійскихъ надписяхъ въ настоящее время, кромѣ ассирійско-вавилонскаго нарѣчія, вычитали новый, дотождъ неизвѣстный языкъ туранскаго характера. Народъ, говорившій этимъ языкомъ, Аккадійцы, какъ принято называть ихъ въ настоящее время, былъ, по всей вѣроятности, тѣмъ туранскимъ племенемъ, которому Оппертъ приписывалъ изобрѣтеніе клинописи. См. новое произведеніе неутомимаго и остроумнаго Фр. Ленормана: *Études, Accadiens* въ *Lettres Assyriologiques, II-me série Paris, 1873*. О клинописи см. *S. Menant — Les écritures cunéiformes, Paris, 1864*; *H. Wuttke — Die Entstehung der Schrift, Leipz. 1872*, главу: *Die Keilschrift, стр. 604—678*.

писяхъ, представляла буквы или алфавитные знаки; другая вмѣсто буквъ давала слоги, такъ что извѣстная группа клинъевъ означала не *букву*, какъ въ первой системѣ, а *слово*. Эта вторая система, для отличія отъ первой, называется иными *анарійскою*, другими *силлабическою*. Аріійская система, по всѣмъ признакамъ, позднѣйшаго происхожденія, и во многихъ случаяхъ носить явные слѣды того, что она усовершенствовалась изъ силлабической. Такъ, многія согласныя буквы передъ различными гласными имѣютъ различную форму. Напримѣръ, *к* передъ *а* и *и*; *д* передъ *а*, *і*, *и*; *т* передъ *и*, *і*, *и*, пишутся отлично другъ отъ друга, хотя и означаютъ просто *к*, *д*, *т*. Но всей вѣроятности, они первоначально употреблялись какъ слоги: *ка*, *ки*, *да*, *ді*, *ди*, *та*, *ті*, *ти* и проч.; иначе не было необходимости для одной и той же согласной имѣть въ азбукѣ по двѣ и по три формы. Такимъ образомъ Персы, совершенствуя свою аріійскую систему изъ силлабической въ алфавитную, не совсѣмъ успѣли отдѣлаться отъ преданій силлабизма. Клинопись ¹⁾ ихъ считаетъ 34 отдѣльные знака, тогда какъ для выраженія всѣхъ отдѣльных звуковыхъ элементовъ ихъ языка достаточно было имъ имѣть только 24 буквы.

Народы, создавшіе силлабическую систему, съ теченіемъ времени должны были отступить отъ строгой силлабичности и силою обстоятельствъ были приведены къ тому, что слоговыя группы стали употреблять иногда какъ буквы, хотя и не додумались до алфавитныхъ началъ. Первою причиною этихъ отступленій отъ первоначальнаго принципа были отдѣльные знаки для гласныхъ буквъ. Присутствіе ихъ уже доказываетъ, что и въ этой системѣ, *анарійской*, строгая силлабичность не могла быть проведена по всѣмъ частямъ. Въ силлабической системѣ существуютъ отдѣльные знаки не только для выраженія слоговъ *па*, *пі*, *пи*, но и для *аи*, *іи*, *ии*; слѣдовательно, строго говоря, не было необходимости въ особыхъ знакахъ для гласныхъ буквъ совмѣщавшихся уже въ тѣхъ группахъ, которыя выражали гласную съ согласною спереди или сзади. Но гласныя буквы были введены, по всей вѣроятности, для выраженія долготы слога. Такъ, слогъ *па* обозначалъ короткій слогъ; чтобы выразить *па* писали *па-а*, гдѣ послѣдняя гласная выражала только долготу звука. Слоговой характеръ письма породилъ въ *анарійской* системѣ несообразно большое количество буквъ, такъ какъ языкъ, владѣющій этою письменностью при 20 согласныхъ и 3 гласныхъ, долженъ былъ

¹⁾ С. Koszowicz — Inscript. Palaeopers. p. 3 — 5.

имѣть болѣе 100 знаковъ для однихъ короткихъ слоговъ. Отдѣльные знаки для такого же числа долгихъ слоговъ были замѣнены, какъ мы видѣли, введеніемъ гласныхъ буквъ. Строгая силлабичность возможна только въ языкахъ, въ которыхъ слова состоятъ изъ *простыхъ слоговъ*, то-есть изъ одной согласной и одной гласной, какъ въ словахъ: *по-ю-ди-те, ат-ам-ан*; но языки, владѣвшіе силлабическою системою, имѣли часто слова, состоявшія не изъ простыхъ только, но и изъ *сложныхъ слоговъ*; понимая подъ послѣднимъ выраженіемъ слогъ, состоящій изъ двухъ согласныхъ съ гласною въ серединѣ: *пар, раг, лір, лис, сир, и* проч. И для этихъ слоговъ пришлось изобрѣтать особые знаки, число которыхъ далеко превзошло число простыхъ слоговъ. Такъ какъ изъ всѣхъ анарійскихъ системъ *ассирійская* достигла высшей степени развитія, то мы не считаемъ лишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что безъ изученія этой системы не представляется возможности для дальнѣйшей дешифровки другихъ анарійскихъ системъ!

Всѣхъ знаковъ въ ассирійской письменности открыто и объяснено до сихъ поръ около 470; почти столько же имѣется не объясненныхъ. Въ книгѣ своей *Exposé des Eléments de la Grammaire assyrienne* (Paris, 1868 p. 11—36) Менанъ сдѣлалъ сводъ всѣмъ болѣе употребительнымъ ассирійскимъ знакамъ. Изъ нихъ оказалось фонетическихъ 106, для выраженія простыхъ слоговъ; для сложныхъ слоговъ, имѣющихъ весьма часто также идеографическое значеніе 301; объясненныхъ идеографовъ—47 и 10 такихъ идеограмъ, значеніе которыхъ еще не извѣстно. Какія трудности слѣдовало преодолевать при изученіи такой массы весьма другъ съ другомъ по наружности схожихъ, но въ сущности отдѣльныхъ письменъ; — понятно каждому. Потому, съ теченіемъ времени, писцы стали упрощать письмо, замѣняя часто сложные слоги простыми; но употребленіе сложныхъ слоговъ осталось все-таки въ силѣ. Существовали, напримѣръ; слоговые знаки для *par* и *ras*, и для 300 подобныхъ слоговъ не легко было удержать ихъ сразу въ памяти. Въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ простымъ слогамъ и выражали ихъ черезъ *pa-ar, ra-as*, а читали просто *par, ras*. Иногда даже писали *ra-a-as=ras*, почти также, какъ мы нынче складываемъ *ep-e-es=pec*. Явно, что при такомъ произволѣ всякое слово можно было написать различнымъ способомъ. Возьмемъ слово Ормуздъ. Оно встрѣчается въ ассирійскихъ надписяхъ въ слѣдующихъ формахъ: *U-ri-mi-iz-da, U-ra-ma-as-da, A-hu-ra-ma-as-da, A-hu-ru-mi-us-du, U-ru-ma-as-da* и проч. Подобные случаи встрѣчаются на каждомъ шагѣ.

Этимъ не ограничивались затрудненія при чтеніи ассирійскаго письма. Независимо отъ знаковъ съ фонетическимъ характеромъ, въ ассирійской письменности большую роль играли указатели (*Determinativ*) и идеографы, число которыхъ было весьма значительно. Если указатели въ нѣкоторомъ отношеніи облегчаютъ трудъ пониманія знаковъ,—такъ указатели собственнаго имени лица, божества, города проч., указываютъ на то, что за нимъ слѣдуетъ ожидать имя лица, божества и проч.—то масса идеограмъ по своей неопредѣленности несказанно затрудняетъ чтеніе. При первыхъ же опытахъ выкинуть въ сущность ассирійскаго письма, изслѣдователи встрѣтились съ извѣстными знаками, которые, имѣя извѣстный фонетическій характеръ, должны были, однако, читаться совершенно иначе: они представляли не условную форму звука, а смыслъ слова, и должны были произноситься какъ слово, въ родѣ того, какъ у насъ *крестъ* передъ годомъ смерти читается: *умеръ*. Такъ, знакъ, фонетически читающійся *mi*, можетъ значить *su-mi* — *имя*; *sis* можетъ значить *ali* — *братъ*. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что извѣстная идеограмма можетъ имѣть одно и нѣсколько фонетическихъ значеній. Такіе знаки принято называть *полифонами*. Вообще чтеніе ассирійскихъ письменъ во многихъ случаяхъ напоминаетъ трудъ, встрѣчаемый при разгадываніи шарадъ. Разница та, что при разъясненіи шарадъ мы имѣемъ опредѣленный кругъ видимыхъ предметовъ и знакомый намъ языкъ, между тѣмъ какъ ассирійскія письмена представляютъ намъ, съ одной стороны, неизвѣстный языкъ, съ другой—идеограммы не только видимыхъ предметовъ, но и отвлеченныхъ понятій. Такъ, есть идеограммы для существительныхъ: голова, золото, годъ и проч.; для прилагательныхъ: малый, твердый, худой и проч.; для глаголовъ: желать, строить, идти и проч.; для собственныхъ именъ: Аккадъ, Тигръ, Евфратъ и проч. Такъ напримѣръ, группа, состоящая изъ двухъ параллельныхъ угловъ, значить: царь, число 20, и имѣетъ въ то же время фонетическое значеніе: *nis*, *nan*, *van*. Другой знакъ идеографически значить: рука, идти, приходиться, страна; а фонетически: *sat*, *kur*, *nat*, *nat*, *pal*. Много требуется остроумія, и не одного только остроумія, для того, чтобы вѣрно прочесть неизвѣстными ассирійскія слова. Положимъ, стоятъ рядомъ идеограммы, изъ которыхъ первая значить: *ворота (babu)*, а вторая: *Богъ (ilu)* и *an*. Ожидая по смыслу или по переводу названіе Вавилона, конечно, во второй идеограммѣ легко выбрать первое значеніе, *bab—ilu*, а безъ того могло легко быть взято второе значеніе, и вышло бы *bab—an*, и

мы удивлялись бы, отчего имя Вавилона не встрѣчается въ надписяхъ.

Извѣстно, что клинообразныя надписи Ахеменидовъ, чтеніе которыхъ пролило новый свѣтъ на древности персидскія и воскресило одинъ изъ древнѣйшихъ арійскихъ языковъ, писаны тремя различными системами. Первая система—*персидская*, въ которой языкъ арійскій, а шрифтъ имѣетъ характеръ алфавитный. Вторую систему принято называть *мидійскою* или *скивскою*, а третью—*ассирійскою*. Всѣ ахеменидскія надписи писаны не по одной изъ этихъ системъ, а по всѣмъ тремъ, то-есть, каждая надпись составляетъ груду трехъ надписей, изъ которыхъ первая всегда персидская, а двѣ другія, рядомъ или другъ подъ другомъ, составляютъ переводъ персидской надписи на языки второй и третьей системы. Благодаря остроумнымъ изысканіямъ Гротефенда, неутомимымъ трудамъ Лассена, Роллинсона и друг., персидскія надписи, простѣйшія по характеру, были прочтаны и объяснены раньше другихъ. Сотни собственныхъ именъ, въ нихъ встрѣчающихся, оказали сильное содѣйствіе при чтеніи двухъ остальныхъ системъ, при чемъ обнаружилось, что третья система заключаетъ съ себѣ языкъ ассирійскій семитической расы, а письменна — силлабическія (Гинесъ), о чемъ мы уже говорили выше.

Что касается второй системы, то въ ней тоже открыли упрощенную силлабическую азбуку, но языкъ еще не выяснился съ определенностью. Чтеніе ассирійскихъ надписей Ахеменидовъ дало ключъ къ чтенію другихъ древнѣйшихъ ассирійскихъ надписей, открытыхъ между тѣмъ трудами Ботта, Лаярда и друг., при раскопкахъ древне-Ниневійскихъ и Вавилонскихъ развалинъ. Въ нихъ открыли, наконецъ, цѣлыя бібліотеки, буквары, словари и проч. Хотя до сихъ поръ уже сдѣлано много, однако, много еще остается сдѣлать для того, чтобы результаты чтенія ассирійскихъ надписей устранили всякое сомнѣніе. Особенно страдаетъ при этомъ чтеніе собственныхъ именъ, не извѣстныхъ изъ другихъ источниковъ. При именахъ же извѣстныхъ, или ожидаемыхъ въ данномъ мѣстѣ, изслѣдователь имѣетъ возможность сдѣлать выборъ между многими идеограммами съ различнымъ фонетическимъ значеніемъ. Возьмемъ, для примѣра, имя Навуходоносора, встрѣчающагося фонетически: Na-bi-uv-ku-du-ur-gi-u-si-ur. Въ большей части случаевъ оно пишется идеографически, что можно только прочесть: *an-ra-sa-du-sis* и *an-ak-sa-du-sis*, такъ что еслибъ, это имя было не извѣстно, то едва-ли кому-нибудь пришло бы на умъ прочесть Навуходоносоръ тамъ, гдѣ написано: *anaks-*

duis. А между тѣмъ при настоящемъ чтеніи имени, ученые руководствовались не произволомъ. Въ открытомъ въ Ниневіи силлабарѣ сказано, что слогъ *anak* идеографически означаетъ *Boa*, 'Небо'—*Nabu*; *sis* значить *ussur*—*храмъ*; *sa-du* стоитъ вмѣсто *kudurrî*—*корона*, такъ что все имя *Nabu kudurrî ussur* значить; богъ *Nabu*, храмъ *корону*: Набополассаръ — *Nabu habal ussur* значить: 'Набу, 'огради''сына, и проч. См. *Schrader* — *Die assyr. Keilinschrift* въ '*Zeitschr.*' '*Deutsch. Morgenl. Gesellsch.* 1872, s. 124—126.

Мы особенно распространились объ 'ассирійскихъ' письменахъ на томъ основаніи, что вліяніе ихъ на образованіе *Вавскаго* 'системы' весьма замѣтно. Изъ 106 до сихъ поръ открытыхъ 'вавскихъ' знаковъ, половина встрѣчается въ томъ же видѣ въ ассирійскомъ 'письмѣ'. Изъ 11 указателей и 18 идеографовъ, большая часть также заимствована у Ассирійцевъ. Остальные знаки образовались, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условий. Въ цѣломъ же вавское 'письмо' составляетъ четвертую (если не считать аккадійскую), вполне организованную клинописную систему. Такъ какъ Вавскія надписи стоятъ одиноко, безъ переводныхъ надписей, какъ у Ахеменидовъ, то и чтеніе ихъ не представляетъ сколько-нибудь надежной опоры, за исключеніемъ того, что заимствовано у Ассирійцевъ. Но и при этомъ невольно рождается сомнѣніе—не могли ли ассирійскія письмена, переходя на Вавъ, измѣнить свое значеніе, хотя и сохранили свою форму. Такимъ образомъ, намъ все въ нихъ не извѣстно—и шрифтъ, и языкъ, и время.

Мы видѣли выше, что Шульцъ открылъ на Вавѣ 42 надписи, а за исключеніемъ (IX, X, XI) Ксерксовыхъ, 39. Но какъ будто для подтвержденія словъ Мойсея Хоренскаго, который говоритъ, что Семирамида не только у Вавы, но и въ другихъ мѣстахъ Арменіи оставила надписи,—въ послѣднее время другъ за другомъ стали открываться надписи во многихъ мѣстахъ турецкой и русской Арменіи, такъ что число ихъ доходить въ настоящее время до 60.

Назовемъ тѣ изъ нихъ, которыя намъ извѣстны:

40—43. Четыре надписи, изданныя при Путѣшествіи Нерсеса Саргисяна (1864. Венеція) вмѣстѣ съ другими четырьмя, списанными, уже Шульцемъ.

44. Одна надпись, открытая въ Малатіи, на Евфратѣ, Мюльбахомъ и изданная въ *Journal of Syro-Egypt. Society*. London.

45. Надпись изъ Гассанъ-Кана, близъ Арзрума, изд. de Cédou — *De-Saulcy* — *Voyage autour de la mer Morte*, II, 1.